

ВОПРОСЫ МИФОПОЭТИКИ

Е.Ю. Полтавец

РАССКАЗ Л.Н. ТОЛСТОГО «ХОЗЯИН И РАБОТНИК» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭКЗЕГЕЗА

В статье рассматривается рассказ Л.Н. Толстого «Хозяин и работник» и его символика. Произведение содержит не только художественную эсхатологию, но и художественную экзегезу прежде всего новозаветной притчи. Исследование мифопоэтических мотивов дается на фоне других экзегетических опытов Л. Толстого.

Ключевые слова: Л. Толстой; экзегеза; рассказ; эсхатология; притча.

Рассказ «Хозяин и работник», работа над которым была начата Толстым в сентябре 1894 года, увидел свет в 1895 году и стал, по выражению Л.Д. Опульской, «предвестником возвращения к художественному творчеству — после трехлетнего перерыва» [12: с. 120]. По мысли П.И. Бирюкова, замысел рассказа мог зародиться под влиянием работы Толстого на голоде зимой 1892–1893 года. Л.Д. Опульская видит в «Хозяине и работнике» произведение, близкое к «народным рассказам» 80-х годов [12: с. 121]. Однако логика творческих замыслов Толстого той поры была, по-видимому, все же несколько иной. В начале 1893 года в «Северном вестнике» (журнале, напечатавшем позже «Хозяина и работника») был впервые опубликован рассказ Толстого «Суратская кофейная», написанный еще в 1887 году и представляющий собой переложение одноименной новеллы французского писателя Жака Анри Бернардена де Сен-Пьера (1791). В конце 1894 года Толстой печатает в том же «Северном вестнике» вольный пересказ сказки «Карма» (1894) американца Поля Каруса. В 1893 и начале 1895 года работает над «Тремя притчами», опубликованными в том же году в издании «Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год». К декабрю 1894 года (ко времени интенсивной работы над «Хозяином и работником») относится и работа Толстого

над наброском «Сон молодого царя», задуманным как художественное наставление вступившему на престол Николаю II.

К марту – апрелю 1894 года относятся замысел и первые наброски статьи «Христианское учение», которую Толстой в Дневнике и в разговорах с близкими называл «катехизисом». Статья была начата в форме кратких вопросов и ответов (почему и получила условное название «катехизис»). Позднее характер изложения менялся: ответы расширялись и превращались в главы. В результате более или менее интенсивная работа над статьей продолжалась до ее публикации в Англии и США (1898).

Как видим, работа над художественным замыслом рассказа о купце Брехунове и его работнике Никите шла параллельно с размышлениями над «катехизисом», «изложением веры» (это черновые названия «Христианского учения»). Задумав в сентябре 1894 года рассказ «Хозяин и работник», Толстой в октябре того же года делится сомнениями относительно своей работы над «катехизисом» с Е.И. Поповым: «Я увидел на этой работе опасность отвлеченного умствования. Не успеешь оглянуться, как забредешь в страшные дебри. Кажется, что остановился вовремя. Поверка одна — доступность младенцам и простым людям — чтобы было понятно Ваничке¹ и дворнику. А если нет, то ищи, в чем заврался» [18: LXVII, с. 253].

Художественные произведения, над которыми Толстой работал в этот период, носят характер притчи, иллюстрирующей религиозные и философские взгляды писателя, причем «Суратская кофейная» и «Карма» являют собой своеобразные переложения-толкования чужих текстов, также в художественной форме поясняющих религиозные истины. Их персонажи открыто высказывают *принципы*, а аллегорическая образность доступна,

¹ Шестилетнему Ванечке, младшему сыну Толстого, понятно было многое. Той же осенью (1 ноября) Толстой писал из Ясной Поляны в Москву, куда уже переехали на зиму дети, письмо Ванечке — о милосердии, о том, как отпустил в сад трех попавших в ловушки крыс, о вегетарианстве, о том, что крыс пожалели, а барана убили, потому что гости хотели мяса на обед. «Вот это принципы» [18: LXXXIV, с. 231], — сокрушается Толстой в письме к шестилетнему ребенку. «Ванечка знал, что у папа *принципы*, что убивать животных и есть баранов — грех» [16: с. 325], — вспоминает А.Л. Толстая.

как и задумывал Толстой, даже для понимания ребенка. Запрещенные при жизни Толстого православной цензурой к отдельным изданиям, эти рассказы-притчи в нашу эпоху моды на толерантность могли бы составить украшение любой хрестоматии для начальной школы, но они, к сожалению, почти не известны широкому читателю. «Я читал эту сказочку детям, и она нравилась им, — пишет Толстой в предисловии к «Карме». — Среди больших же после чтения ее всегда возникали разговоры о самых важных вопросах жизни» [18: XXXI, с. 47].

Биографический и психологический контекст рассказа «Хозяин и работник» заставляет задуматься над соотношением профанного и сакрального прочтения. Произведение вышло из печати почти одновременно в журнале «Северный вестник», в издательстве «Посредник» и в собрании сочинений Толстого, издававшемся С.А. Толстой. Новинку перепечатывали, ее читала вся Россия, ею не уставали восхищаться. Но выходу рассказа предшествовала семейная трагедия. Софья Андреевна, спокойно относившаяся к публикации в «Северном вестнике» «Суратской кофейной» и «Кармы», потребовала, чтобы такой художественный шедевр, как «Хозяин и работник», ни в коем случае не уходил в «Северный вестник». Пока улаживали неразбериху с изданиями, заболел маленький Ванечка и 23 февраля 1895 года скончался. А в начале марта все читатели с восторгом встретили «Хозяина и работника», завершавшегося такими словами об умершем «в нынешнем году» работнике Никите: «...Разочаровался ли он, или нашел там то самое, что ожидал? — мы все скоро узнаем» [18: XXIX, с. 46].

Новый рассказ Толстого был встречен с воодушевлением еще и потому, что многие были рады возвращению Толстого к «тонкой художественной работе» [17: с. 238], видели в рассказе, по словам И.Е. Репина, «чисто художественную вещицу», в которой «тенденция только в самой малой степени, почти незаметна и почти не мешает» (цит. по: [12: с. 136]), Иногда в таком духе понимают и авторский замысел, указывая на то, что, отсылая рукопись рассказа Н.Н. Страхову для передачи в «Северный вестник» и прося критика высказать свое мнение, Толстой сообщал: «Я так давно не писал ничего худо-

жественного, что, право, не знаю, что вышло» [18: LXVIII, с. 15]. Однако в переписке с В.Г. Чертковым автор «Хозяина и работника» обсуждал совсем другие стороны рассказа. Так, в ответ на письмо Черткова, где он высказывал мнение о том, что герой рассказа, смиренный работник Никита, должен бы быть усердным читателем Евангелия, Толстой отвечал: «То же, что вы говорите о том, что он мог бы почерпнуть этот взгляд из Евангелия, — неверно, мне кажется. Мне главное хотелось показать то, что душа человеческая христианка и что христианство есть ничто иное, как закон души человеческой» [18: LXXXVII, с. 313].

Писателю всегда нравились слова Тертуллиана о душе-христианке. В сущности, в работе «Христианское учение» многократно повторяется эта мысль: «По христианскому... учению, человек непосредственно познает Бога своим сознанием в самом себе», «бог, по христианскому вероучению, есть и та сущность жизни, которую человек сознает в себе» и т. д. [18: XXXIX, с. 125, 126]. В рассказе «Хозяин и работник» Никита несколько раз повторяет: «Милая душа», ребенка называет «голубок» (любимые выражения капитана Тушина в «Войне и мире», где Тушин «милой душой» и «голубчиком» называет князя Андрея). «Милая душа» — это у Толстого еще и «мирная душа», как справедливо отмечают многие исследователи (этимология слова это тоже подтверждает).

Явная отсылка в названии рассказа к евангельским притчам, которые в переводах Толстого становились притчами о хозяине и работнике (работниках), не всегда осознавалась исследователями. Так, по понятным причинам об этом аспекте рассказа не говорится в комментариях к рассказу Полного (юбилейного) собрания сочинений в 90 томах, в работах отечественных исследователей (до конца XX века). Название рассказа зачастую рассматривалось как актуализация социального контраста. Игнорировалось то обстоятельство, что в своих экзегетических сочинениях («Соединение и перевод четырех Евангелий», «Краткое изложение Евангелия» и др.) уже с начала 1880-х годов Толстой заменяет в евангельских притчах слова «человек», «господин», «сеятель» на «хозяин», слово «рабы» — на «работники» [18: XXIV, с. 177, 178, 180 и др.]. В самом рассказе

«Хозяин и работник» совершенно ясно раскрывается его смысл. Так, о Никите сказано: «Кроме тех хозяев, как Василий Андреич, которым он служил здесь, он чувствовал себя всегда в этой жизни в зависимости от главного хозяина, того, который послал его в эту жизнь, и знал, что и умирая он останется во власти этого же хозяина, а что хозяин этот не обидит» [18: XXIX, с. 36]. На эту фразу в рассказе обращает внимание Н.В. Николаева в статье, вышедшей за рубежом [XI], острожно сопоставляя смысл рассказа с дневниковой записью Толстого от 23 декабря 1893 года, сделанной незадолго до возникновения замысла «Хозяина и работника» и отражающей замысел другого произведения о хозяине и работниках, похожего на притчу: «Хозяин это Бог. Работники — это все люди. Казнь это смерть, часа которой никто не знает. Люди, которые стали обеспечивать себя и бояться делать дело Божье, это богатые люди, заботящиеся о своей жизни» [18: LI, с. 107]. Смысл названия «Хозяина и работника» подчеркивается, что отрадно, в недавно вышедшей энциклопедии «Л.Н. Толстой»: «Происходит смещение понятий: истинным хозяином оказывается не Брехунов, а Бог»; «больше нет противоречий между хозяевами и работниками, так как все люди — работники перед Богом» [8: с. 123, 124].

Н. Фрай находит, что единство Библии определяется «системой конкретных образов: город, гора, река, сад, дерево, масло, источник, невеста, вино, жених, овцы, и многие другие, которые повторяются столь часто, что ясно указывают на некий объединяющий принцип» (цит. по: [I: с. 62]). Изобилующий подробностями, как кажется профанному взгляду, рассказ «Хозяин и работник» экономно построен на сходном ряде образов, отсылающих как к евангельской притче, так и мифологической эсхатологии. Кроме «хозяина» и «работника», это «конь» (мифологическое животное-медиатор и психопомп, а кроме того, образ, актуализированный в Апокалипсисе), «метель», «роща», «сапоги», «вино», «сани», «чернобыльник», ситуация «заблуждения».

Метаситуация «заблуждения» характерна, конечно, не только для русской литературы («Буря» С.Т. Аксакова, «Метель» и «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Мцыри» М.Ю. Лермон-

това, «Мертвые души» Н.В. Гоголя), но и в целом для «паломнической» темы, наверное, еще со времен аллегорического романа Дж. Беньяна «Путь паломника» (1678). Характерен и мотив «спутника», верного, но погибающего: у Беньяна это спутник Христианина Верный, а в «Хозяине и работнике» — конь Мухортый, замерзший потому, что ушел от Брехунова не в деревню, которая, как оказывается в конце рассказа, была совсем близко, а к Никите. Мухортый, кстати, переживает трансформацию в соответствии со своим именем: слово «мухортый» означает не только масть лошади — «гнедой с желтыми подпалинами», но и «франтоватый», «щеголеватый», а по Далю, «мухортый» соотносится и с «мухрый» — «хилый», «тощий». Действительно, в начале рассказа Мухортый — красивый и веселый молодой конь, в конце — исхудавший за одну ночь, «кости да кожа».

«С образом заблудившегося в лесу человека у Толстого ассоциируются поиски ответа на основной вопрос жизни», — отмечает Е.В. Николаева [10: с. 255], анализируя символическую образность толстовской «Исповеди», а также его проповеднических произведений. Путник, заблудившийся в снежной метели, — образ, символизирующий поиски пути еще в трактате Толстого «В чем моя вера?», написанном за десять лет до «Хозяина и работника». В «Трех притчах» Толстой также прибегает к этому образу, уже как к аллегории.

В раннем рассказе Толстого «Метель» (1856) несомненны пушкинские реминисценции. Анализируя символику эпизода метели на железной дороге в «Анне Карениной», Б.М. Эйхенбаум писал, что Толстой «ориентируется на метод философской лирики, усваивая ее импрессионизм и символику» [20: с. 679]. По Эйхенбауму, метель у Толстого — образ, близкий «к романтической символике Тютчева и Фета» [20: с. 681]. Однако в более поздних произведениях Толстого дело обстоит иначе. Евангельская притча о работниках в винограднике, известная также как притча о работниках одиннадцатого часа, является основным притчевым фоном «Хозяина и работника». Понятно, что просветление Брехунова, совершившееся в последние часы перед смертью, осмыслено в притчевом ключе. И на часы, ко-

торые показывают «всего десять минут первого», Брехунов, тратя последние спички, со страхом глядит, потому что таков толстовский замысел: показать человека, который мнил себя «хозяином», в роли «работника последнего часа». Работники в притче названы «перенесшими тягость дня и зной» [Мф.: 20, 12]. В работе «Соединение и перевод четырех Евангелий» Толстой дает такое название этой притче: «Притча о расплате хозяина с работниками». Как видим, здесь у Толстого «хозяин» и «работники» соответствуют каноническому тексту. Толкование же слов «тягость дня и зной» дано у Толстого в соответствии с реалиями русской деревенской жизни: «Мы целый день потели да ворочали» [18: XXIV, с. 511]. Никита, Брехунов и Мухортый во время метели тоже «потели» да «ворочали»; обе эти лексемы частотны в тексте «Хозяина и работника», а мороз и метель как образы жизненных тягот — это, в общем, то же самое, что «зной» евангельской притчи. Свое толкование притчи Толстой заканчивает словами Хозяина: «В этом мире смерти я учу вас жизни единой возможной, единой доске спасения. И вы, собираясь ухватиться за эту доску, спрашиваете: какая будет за это награда?» [18: XXIV, с. 513].

В рассказе очень часто упоминаются сани, в которых совершают свой путь хозяин и работник. Но обычная принадлежность крестьянского быта оказывается убежищем Никиты и гробом Брехунова. Выражение «сидеть на санях» означает, как известно, «собираться на тот свет», но «сани» толстовского рассказа в условиях суровой зимы еще и соответствуют библейской торжественной «колеснице». В Ветхом Завете колесница помимо других значений имеет значение передвижного Божьего престола. На колеснице совершались торжественные выезды царей; с другой стороны, для нечестивых царей Охозии и Иорама колесница стала катафалком. В творчестве Толстого «колесница» упоминается в рассказе «Божеское и человеческое» (так видит герой рассказа «старик раскольник» телегу, в которой Светлогуба везут на казнь; сам Светлогуб представляется старику почти ангелом), в «Воине и мире» умирающего князя Андрея увозят из Москвы в «коляске». По-видимому, помещение в конце рассказа в сани обоих близких к смерти персонажей, хозяина и работника, если

и не свидетельствует, как это было в «Войне и мире» и «Божеском и человеческом», об их деифицированности, все же значительно повышает их статус. Есть и еще один аспект этой символики, платоновско-индуистский, где «"Я" — пассажир, которому принадлежит колесница... Ум — кучер... из-за своей двойственной природы, человеческой и божественной, чистой и нечистой, может либо позволить коням свернуть с прямого пути... в область язычества... или направлять их согласно воле Духа» [6: с. 261].

Худые сапоги Никиты (хорошие он пропил), как и вообще обувь персонажей в произведениях Гоголя и Толстого, — немаловажная деталь. В.И. Порудоминский в своей книге о творчестве Толстого [14] посвящает обуви персонажей целый раздел, упоминая о том, что в 1880-е годы Толстой научился сапожному ремеслу, что в «народных рассказах» «Где любовь, там и Бог», «Чем люди живы» главные герои, в том числе и ангел, — сапожники. Однако следует добавить, что все это не просто удачно найденные бытовые и психологические детали. Еще в раннем рассказе Толстого «Три смерти» сапоги, подаренные умирающим Федором Сереге, — залог установки Серегой креста над могилой Федора. Изготовление обуви в рассказе «Чем люди живы» связано с темой приготовления к смерти. В Новом Завете «обуваться в простую обувь» [Мк.: 6, 9] велит Иисус апостолам, готовящимся нести людям его учение; «отрясти прах от ног» следует там, где не принимают и не слушают апостолов.

Толстой никогда не упускает случая показать дурман пьянства. Никита пропил сапоги и дал зарок больше не пить. Во время угощения в Гришкине уставший и продрогший Никита все-таки отказывается от водки, тогда как Брехунов выпивает, продолжая «праздник». Никита осуждает встреченных по дороге пьяниц, Брехунова они «веселят». В итоге, Брехунов, погибая, с ужасом вспоминает, что насмерть замерзают после выпивки; Никита не пил и остается жив. Толстовский «лабиринт сцеплений» увязывает обувь на ногах и трезвость головы с готовностью послужить Богу.

Обратимся к обозначению времени в рассказе. В начале произведения с библейской торжественностью объявлено: «Был час третий» [18: XXIX, с. 6] (ср.: «Был час третий, и распяли

Его» [Мк.: 15, 25]). Готовность послужить Богу в Библии связывается с внезапными событиями, неожиданными испытаниями. Часто они приходят в полночь. Брехунов смотрит на часы после *полуночи* — в 12 часов 10 минут. В Ветхом Завете находим упоминание о *десятой* казни египтян, поразившей их в *полночь* [Исх.: 11, 4; 12, 29]. Несколько раз в Новом Завете подчеркивается *полночь* как время испытаний, напомним только особенно актуальные для притчевого контекста «Хозяина и работника» детали притчи о *десяти* девах: жених приходит в *полночь*; неразумные девы, которые отправились *покупать* масло для светильников, как Брехунов — рощу, опоздали на брачный пир [Мф.: 25, 1–13]. Но Брехунов, безуспешно истративший все спички, успеваеt пережить перед смертью *просветление*.

Опасная ночная поездка связана с покупкой рощи. Роща может иметь культовый (как языческий, так и библейский) смысл. Странным образом мотив зимней рощи в рассказе корреспондирует со скандинавским эсхатологическим мифом о Рагнарёке (гибели богов и конце света). Приближение Рагнарёка сопровождается в мифе распрями родичей (в рассказе Толстого старик в Гришкине жалуется на желание сыновей отделиться, Петруха вспоминает притчу о венике и переломанных по отдельности прутьях), «моральным хаосом», «великанской зимой». Затем на свободу вырывается волк Фенрир (вой волка слышит Брехунов), люди и боги погибают, роща Ходдмимир служит укрытием последним двум людям, спасшимся от стужи [9: с. 362].

В Ветхом Завете день возмездия описан как «день тьмы и мрака, день облака и мглы» [Соф.: 1, 15; Иоиль: 2, 2]. «Пасмурно» и «ветрено», «половина неба была закрыта низкой темной тучей» [18: XXIX, с. 6], когда Брехунов собирается в дорогу. Но главным эсхатологическим образом в рассказе предстает, конечно, «чернобыльник» (попынь), об апокалиптическом смысле которого в связи с рассказом «Хозяин и работник» автору этих строк уже доводилось упоминать [13: с. 210]. «Чернобыльник» определяется в словаре Даля как «крупный вид полыни» [5: с. 595]. Один из самых знаменитых образов Откровения — «звезда», имя которой «попынь» [Откр.: 8, 11]. «Звезды в Библии — образ тайны» [15: с. 366],

поэтому восприятие «чернобыльника» в библейском контексте, а особенно превращение этой детали в сквозной мотив, нагнетает таинственный смысл. В фольклорной песенной символике «полынь» «можно найти в песнях, рассказывающих об обмане девушки милым... о разлуке молодца с любимой... о трудной солдатской службе» [7: с. 111]. У Толстого символика полыни в «Войне и мире» связана с мифо-ритуальным значением обряда «хождения по меже» (князь Андрей на Бородинском поле держит в руках полынь и подходит к меже, когда около него падает граната). Эпизод мирной встречи Рамбаля и Мореля с русскими солдатами у костра завершается картиной мирных переговоров звезд на небе и пословицей, которую вспоминает один солдат: «И полынь на своем кореню растет» [18: XII, с. 196]. В контексте этого эпизода признание того, что и полынь, являясь сорной и горькой, все же имеет право на существование, означает возможность для русских солдат пожалеть французов, несмотря на то, что они принесли столько зла.

Таким образом, символика полыни осознавалась Толстым в апокалиптическом ключе (полынь-звезда, с ее эсхатологическим значением) и в то же время приобретала новые оттенки добровольной жертвы ради прекращения вражды. В «Хозяине и работнике» «чернобыльник» дважды упоминается в одной фразе с «межой». Эта «межа» отмечает не только кульминационный момент скитаний Брехунова, когда он понимает, что ходит по кругу в снежной пустыне. Но, как вообще в ритуале «хождения по меже», здесь хождение около межи означает примирение, и не только Брехунова с Никитой, которого Брехунов теперь хочет отогреть и спасти, а и человека с Богом.

Но тут возникает новый круг вопросов. Во-первых, то обстоятельство, что в бесовской метели вокруг зловещего чернобыльника сбились с пути не только работник, но и хозяин, да еще и «не видно было той черты, где сходится земля с небом» [18: XXIX, с. 9], заставляет вспомнить гоголевское «тень со светом перемешалась совершенно» [3: с. 121], а также другие дуалистические мотивы русской прозы и даже поэзии, от пушкинского «Зимнего вечера», строки которого в «Хозяине и работнике» пытается процитировать Петруха, до тытчевского перевода из Гейне: «Господь бог на небе скончался,

И в аде сатана издох» [19: с. 39]. Во-вторых, в евангельских притчах Хозяин всегда выступает как Сотер, а на погибель (или лишение талантов, опоздание на пир и т. д.) недостойные работники обрекают себя сами. У Толстого же хозяин сначала эгоистически оставляет неповинного работника на произвол метели, но потом возвращается и выполняет свою сотериологическую миссию, однако погибает сам. «Хозяин и работник» — единственное произведение Толстого, в котором, может быть, приоткрывается завеса над хотя бы раз закравшимся в душу сомнением в благодати Творца. Все остальные произведения — даже «Детство», где умирает татап, даже «Война и мир», где погибают Лиза и Андрей Болконские и Петя Ростов, даже «Чем люди живы», где Бог жестоко наказывает пожалевшего сирот ангела, не говоря уж обо всех проповеднических притчах, сказках, «народных рассказах» и религиозно-философских трактатах, — усомниться не позволяют.

Подведем итоги. Жанровое и идейное своеобразие рассказа «Хозяин и работник» находит столь разнообразие толкования, что в этом отношении небольшому рассказу впору соперничать с «Войной и миром». Г.Я. Галаган усматривает в «Хозяине и работнике» мысль о сопоставлении «мира людей и мира природы» [2: с. 139]. Р.Ф. Густафсон дает двоякое определение главной идеи и соответственно жанра «Хозяина и работника». Сначала он называет этот рассказ «эмблематическим путешествием открытия и притчей о пути к любви» [4: с. 203]. Это верно, но слишком расплывчато. Так можно охарактеризовать и «Путь паломника» Беньяна, и «Чем люди живы» Толстого. «“Хозяин и работник” — это притча, — говорит далее Густафсон, — в основе которой лежит собственный внутренний опыт Толстого, его постоянные попытки найти свой путь к любви, его непрестанный поиск своего предназначения, которое не тождественно его учению, его семье, его искусству или тому факту, что он является хозяином, но есть внутреннее Божественное призвание возлюбить своего ближнего как самого себя» [4: с. 209]. Исследователь считает также, что этот рассказ Толстого — «самое замаскированное проявление автопсихологизма в творчестве Толстого» [4: с. 207]. И с этим можно согласиться, ведь поездка Толстого в 1869 году в Пензенскую

губернию с целью узнать о покупке имения и переживание в пути страха смерти («арзамасский ужас») вполне могут быть автопсихологическим фоном не только «Записок сумасшедшего», но и «Хозяина и работника». Однако еще более вероятным аспектом автопсихологизма может быть «замаскированное» проявление в рассказе того дуалистического сомнения, о котором мы говорили выше.

Против «недостаточно строгого подхода к пониманию... жанра собственно притчи» предостерегает в своей работе о творчестве Толстого 1880–1900-х годов Е.В. Николаева. Предпочитая во многих случаях говорить о «притчеобразности» мышления писателя, исследовательница рассматривает соотношение «народных рассказов» и некоторых других произведений Толстого с формой притчи в концепциях Е.А. Маймина, Е.Н. Купреяновой и других толстоведов как неправомерное расширение границ жанра. Однако «Хозяин и работник» в этом контексте вообще в ее книге не упоминается, а в «Заключении» работы делается обтекаемый вывод о том, что Толстой создал в эти годы «жанровую систему, которая явилась необходимой для выражения именно религиозного взгляда на мир с включением тех жанров, что свойственны жанровой системе литературы, опирающейся на господствующее религиозное сознание» [10: с. 269–270].

По мысли Н.В. Николаевой, в «Хозяине и работнике» «за первым, житейским планом повествования встает второй — обобщенно-символический»: «С точки зрения его жанровых особенностей рассказ становится тенденциозным, “учительным”, как любил говорить Толстой, дидактическим, сближаясь в этом смысле с теми притчами, легендами, которые во множестве создаются Толстым в эту пору... Происходит органическое соединение, срастание художественного изображения с публицистикой, проповедью» [11: с. 124–125].

Обзор жанрового контекста «Хозяина и работника» будет неполным, если не обратиться к тому факту, что хозяин и работник — персонажи не только библейских притч, но и весьма распространенных фольклорных сказок. «Работник всегда и во всем вынужден подчиняться хозяину, беспрекословно выполнять его приказания, вникая

в каждое его слово... Ни на йоту не уклоняясь от буквального смысла распоряжения, он понимает его формально. Замечая в нем с этой стороны сомнительную двусмысленность, он понимает его в самом неожиданном, неприятном, страшном и губительном для хозяина смысле», — пишет Ю.И. Юдин [21: с. 34]. Так, когда в сказке купец приказывает работнику «покрошить луку да анису», работник режет детей купца Луку и Анисью и т. д. В таких сказках работник, формально выполняя распоряжение хозяина, действует с мстительной, своекорыстной или другой неблагоприятной целью. Конечно, работник Никита и даже конь Мухортый в рассказе Толстого слушаются приказаний Брехунова, хотя понимают, что он неправильно определяет направление и что заблудились они из-за его хозяйской самоуверенности. Но есть и другой мотив, связанный с той же самоуверенностью Брехунова и вместе уже с авторской экзегезой. Брехунов считает, что правильно понимает предначертания Бога касательно собственной судьбы. Благо он полагает в богатстве, размышляя: «Трудись. Бог и даст» [18: XXIX, с. 32]. Брехунов уверен, что он служит Богу, будучи церковным старостой, продавая в церкви свечи, обманывая прихожан и даже собираясь употребить церковные деньги на свою покупку. Иными словами, *хозяин* Брехунов показан как *работник* Бога, формально выполняющий его заповеди, но на самом деле служащий не Богу, а мамоне. Таким образом, в рассказе поднимается проблема правильного понимания сущности христианской веры и показаны пагубные последствия заблуждений, состоящих в том, что проповедь Христа сводится к выполнению формальных обрядов. Если под экзегезой понимать толкование Священного Писания не только богословами, а и всеми людьми, то толкование Брехуновым (а он еще и «церковный староста»!) «наказа» Хозяина есть экзегеза неправильная, потому что злонамеренно буквальная. Только перед смертью заблудившийся Христов работник — купец Брехунов — понял, что исполнение воли Хозяина не в свечах и молебнах, а в любви. Замерзая, Брехунов слышит зов Бога, и «радость совершается» [18: XXIX, с. 43] (это скрытая цитата из «Цветочков» Франциска Ассизского — из диалога Франциска с братом Львом о «радости совершенной»). Переключка с Франциском важна

и потому, что о «радости совершенной» святой говорит как раз в тот момент, когда он вместе с братом Львом бредет в жестокую стужу, замерзая и не надеясь найти тепло и ночлег. Этот эпизод в «Цветочках» особенно нравился Толстому, новому *брату Льву*.

В сказках о хозяине и работнике «осмеивается сам миропорядок» [21: с. 37]. В рассказе Толстого показано, что «миропорядок» давно уже сделался не порядком, а хаосом. И причина этого в том, что люди не понимают и не выполняют «наказ», они только отмечают церковные праздники и покупают в церкви свечи. Это показное благочестие все дальше уводит человечество по дороге заблуждения — в бесовскую метель. Один из способов преодоления этого хаоса, возвращения к состоянию человеческого и природного «мира» Толстой видел в возвращении истинной веры, которую в своих экзегетических сочинениях старался увидеть сердцем. «Тот, кто в Евангелии не сумеет отделить сердцем основного, тот никаким изучением критики не узнает этого. А кто умеет отличать, тому не нужно. Умеет же отличать тот, кому нужно руководство Евангелия для жизни, а не для мудрствования»; «Дух же учения не нуждается в толковании и не может измениться ни от каких толкований», — указывал Толстой в письмах [18: LXIII, с. 391; 18: LXXV, с. 44].

Создавая свои «Соединение и перевод четырех Евангелий», «Краткое изложение Евангелия», «Христианское учение» и другие экзегетические труды, перелагая евангельские притчи и создавая свои притчи для иллюстрации евангельских истин, Толстой ставил своей целью не буквальную экзегетику, а духовную. В этом жанровом окружении и родился рассказ «Хозяин и работник» как пример «богословской прозы» [4: с. 209]. Но рассказ стал уникальным в творчестве Толстого и, может быть, во всей мировой литературе примером не просто «богословской прозы», а *художественной экзегезы*, не только «срастания» художественного и проповеднического, а толкования (экзегезы) отдельных притч и стихов Священного Писания, причем не рационально, не логически и грамматически, а образно-наглядно. Рассмотренные сквозь призму толстовского рассказа, персонажи евангельских притч о хозяине и работниках высветились как знакомые и близкие каждому читателю, а сама символика притч не только не утратилась, но усилилась.

Литература

1. *Волкова Е.И.* Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе / Е.И. Волкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 284 с.
2. *Галаган Г.Я.* Л.Н. Толстой: Художественно-этические искания / Г.Я. Галаган. – Л.: Наука, 1981. – 174 с.
3. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 тт. / Н.В. Гоголь. – Т. 5. – М.: Русская книга, 1994. – 608 с.
4. *Густафсон Р.Ф.* Обитатель и чужак / Р.Ф. Густафсон. – СПб.: Академический проект, 2003. – 480 с.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. / В.И. Даль. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1982. – 683 с.
6. *Кумарасвами А.К.* Об индийской и традиционной психологии или, вернее, пневматологии / А.К. Кумарасвами // Волшебная Гора. № 15. – М.: Волшебная Гора, 2009. – С. 248–295.
7. *Лазутин С.Г.* Поэтика русского фольклора / С.Г. Лазутин. – М.: Высшая школа, 1989. – 208 с.
8. *Матвеева И.Ю.* «Хозяин и работник» / И.Ю. Матвеева // Л.Н. Толстой: Энциклопедия. – М.: Просвещение, 2009. – С. 123–124.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 тт. / Гл. ред. С.А. Токарев. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.
10. *Николаева Е.В.* Художественный мир Льва Толстого. 1880–1900-е годы / Е.В. Николаева. – М.: Флинта, 2000. – 272 с.
11. *Николаева Н.В.* Эволюция жанра рассказа в позднем творчестве Л.Н. Толстого / Н.В. Николаева // Методология литературоведческих исследований. – Прага: Карлов университет, 1982. – С. 113–127.
12. *Опульская Л.Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1892 по 1899 год / Л.Д. Опульская. – М.: Наследие, 1998. – 407 с.
13. *Полтавец Е.Ю.* Л.Н. Толстой / Е.Ю. Полтавец // Русская литература XIX века. 1880–1890: учеб. пособие / Под общ. ред. С.А. Джанумова и Л.П. Кременцова. – М.: Флинта; Наука, 2006. – С. 167–212.
14. *Порудоминский В.И.* О Толстом / В.И. Порудоминский. – СПб.: Алетейя, 2005. – 416 с.
15. Словарь библейских образов. – СПб.: Библия для всех, 2005. – 1424 с.
16. *Толстая А.Л.* Отец. Жизнь Льва Толстого / А.Л. Толстая. – М.: Книга, 1989. – 503 с.

17. Толстая С.А. Дневники: В 2 тт. / С.А. Толстая. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1978. – 606 с.
18. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (юбилейное): В 90 тт. / Л.Н. Толстой. – М.: ГИХЛ, 1928–1958.
19. Тютчев Ф.И. Стихотворения / Ф.И. Тютчев. – М.: Художественная литература, 1972. – 303 с.
20. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Исследования. Статьи / Б.М. Эйхенбаум. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – 952 с.
21. Юдин Ю.И. Роль и место мифологических представлений в русских бытовых сказках о хозяине и работнике / Ю.И. Юдин // Миф. Фольклор. Литература. – Л.: Наука, 1978. – С. 16–37.

E. Poltavets

Exegetical Method in L. Tolstoy's Story "Master and Man"

The article deals with the short story by Leo Tolstoy and the symbols of the story. The story is investigated as exegetical work devoted to the parables of New Testament. The mythology motifs are also investigated. The research takes other exegetical works by Tolstoy into account.

Key words: L. Tolstoy; exegesis; short story; eschatology; parable.